

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА:
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ© 2015 г. Александр Васильевич Малько¹

Аннотация: в статье рассматриваются дискуссионные аспекты понимания категории “правовая жизнь общества”. Данная категория предельно широка в юриспруденции и включает в себя не только правовую систему общества, но и другие явления – теневые составляющие (прежде всего преступность). Позитивные и негативные сегменты правовой жизни нужно анализировать как парные категории, охватывающие всю юридическую сферу.

Annotation: discussion aspects of conception of such legal category as “legal life of society” are searched in the article. This category is the most wide in jurisprudence and includes not only legal system of society, but also other phenomenon’s – shadow elements (first of all criminality). Positive and negative segments of legal life should be analyzed as the paired categories, included all legal sphere.

Ключевые слова: правовая жизнь общества, правовая система общества, теневое “право”, позитивная и негативная правовая жизнь.

Key words: legal life of society, legal system of society, shadow “law”, positive and negative legal life.

В современном обществе, связанном с глобальными процессами и вызовами времени, все больше требуется научных усилий по созданию категорий, отражающих данные процессы и вызовы, способных объяснить возникающие социальные реалии, предложить решения новых экономических, политических, нравственных и иных проблем. Не исключением здесь выступает и юридическая наука, тоже испытывающая острый дефицит в сфере наиболее обобщающих понятий, с помощью которых можно было бы полноценно исследовать сложные и многогранные процессы, происходящие в правовом развитии различных стран.

Среди таких понятий, проходящих этап своего становления, на рубеже XX–XXI вв. выделена и категория “правовая жизнь”, под которой можно понимать форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов².

Именно она призвана отражать сложноразвивающуюся и противоречивую юридическую действительность, неразрывную связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – экономической, политической, нравственной, религиозной и т.п.

Однако в литературе введение категории “правовая жизнь” в понятийный ряд юридической науки получило неоднозначную оценку. Одни авторы выступают за подобное введение³, иные согласны с детальным исследованием самой правовой жизни, но не одобряют “придания” ей статуса научной категории⁴.

Если говорить о первых, то идею выдвижения правовой жизни в качестве категории под-

¹ Директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: igp@sgar.ru).

² См. подробнее: Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999; Его же. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35; Его же. “Правовая жизнь” как важнейшая категория юриспруденции // Журнал рос. права. 2000. № 2; Его же. Теория правовой политики. М., 2012. С. 34 и др.

³ См., например: Трофимов В.В. Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133; Барсуков А.Ю. Правовая жизнь и правовой прогресс // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005; Ветютнев Ю.Ю. Закономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005; Панченко В.Ю. Правовая политика в сфере юридической помощи: общетеоретический анализ. М., 2013. С. 85, 86.

⁴ См., например: Баранов В.М. Теневое право. Н.Новгород, 2002; Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005.

держали философы⁵. Этому были посвящены успешно защищенные кандидатские диссертации⁶, а также ряд монографий⁷, сборников научных трудов и материалов конференций и “круглых столов”⁸. Научное сопровождение процессу “придания” правовой жизни категориального статуса осуществляется специальными профильными журналами “Правовая политика и правовая жизнь” (издаваемого Саратовским филиалом Института государства и права РАН) и “Правовая жизнь” (издаваемого юридическим факультетом Таджикского национального университета).

С позиции синергетического подхода проблему правовой жизни общества рассмотрел К.В. Шундилов, который верно подметил, что [одной из интегративных юридических абстракций, относительно недавно введенных в научный оборот, стало понятие правовой жизни общества”, которое, включая в себя как правомерные, так и противоправные составляющие, “бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, являясь попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения”, “привлекает внимание ученых к проблемам про-

тиворечий в юридической сфере, разного рода дефектам правового регулирования, правовым отклонениям, юридическому “негативу”]⁹.

Думается, использование синергетического подхода в исследовании правовой жизни общества весьма перспективно. Он позволяет по-новому взглянуть на юридическую действительность, выявить в ней самоорганизующиеся начала, определить источники ее развития. Тем самым вносится вклад в создание теории правовой жизни общества, совершенствуется методологический ресурс, с помощью которого названную правовую жизнь можно полноценно анализировать.

Если же говорить о тех, кто не согласен “предоставлять” правовой жизни общества категориальный статус, то, в частности, В.М. Баранов в этой связи отмечает, что [категория “правовая жизнь” вряд ли может приобрести строгий гносеологический статус и в силу этого “найти” свое логически оправданное место в понятийных рядах общей теории права”, а поэтому “не могу разделить оптимизм А.В. Малько относительно придания понятию “правовая жизнь” статуса самостоятельной юридической категории со всеми вытекающими отсюда последствиями”]¹⁰.

Хотелось бы обстоятельнее разобраться в позиции В.М. Баранова, поскольку она наиболее аргументированна. С одной стороны, первоначально на с. 21 монографии “Теневое право” определение понятия правовой жизни общества он считает “в целом приемлемым”. Но уже на с. 23 подчеркивает, что определять “правовую жизнь” через “формы юридического бытия” алогично, «ибо “юридическое бытие” – столь же объемная и столь же неопределенная категория, как и “правовая жизнь”»¹¹.

Что касается алогичности определения правовой жизни общества через “формы юридического бытия”, то мы отчасти согласны с названным замечанием и предлагаем определять данное понятие через более общее (родовое) понятие “форма социальной жизни”, которое весьма активно исследуют в философской и социологической литературе¹².

⁵ См., например: *Невважай И.Д.* Социально-философские основания концепции правовой жизни // *Философская и правовая мысль. Альманах.* Вып. 4. Саратов–СПб., 2002. С. 38–51; *Его же.* История и философия науки. В 2-х ч. Ч. 2. Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. Саратов, 2012. Гл. 3; *Демидов А.И.* Политико-правовая жизнь: ненормативный аспект // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2002. № 3.

⁶ См., например: *Михайлов А.Е.* Правовая жизнь современной России (Проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; *Коновалова А.С.* Обычное право в российской правовой жизни. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Шиянов В.А.* Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Шавлохова З.К.* Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Ноздрин А.Н.* Правовая жизнь как категория современной юридической науки: теоретико-методологическое исследование. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Мариуполь, 2013.

⁷ См., например: *Демидов А.И., Малько А.В., Саломатин А.Ю., Долгов В.М.* Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества. Пенза–Саратов, 2002; *Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект* / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005.

⁸ Политическая и правовая жизнь: федеральные и региональные проблемы. Сб. материалов региональной научной конференции / Под ред. А.В. Малько и А.Ю. Саломатина. Пенза, 2001; *Актуальные проблемы российской правовой жизни. Материалы “круглого стола”* / Под ред. А.В. Малько. Самара, 2006; *Политическая и правовая жизнь изменяющейся России. Межвузовский сб. научн. трудов* / Под ред. Г.Н. Комковой и А.В. Малько. Вып. 1. Саратов, 2007.

⁹ См.: *Шундилов К.В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 108, 111, 119.

¹⁰ См.: *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 23, 25.

¹¹ Там же. С. 21, 23.

¹² См., например: *Барулин В.С.* Социальная жизнь общества. Вопросы методологии. М., 1987; *Его же.* Социальная философия (В 2-х ч.). Ч. 1. М., 1993; *Гидденс Э.* Социология. М., 1999; *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // *Социс.* 2000. № 2.

Не аргументирует В.М. Баранов и критику десятого признака правовой жизни общества, который, по его мнению, “представляет собой, с точки зрения логики, непримиримое противоречие”¹³. Сам этот признак заключается в следующем: “правовая жизнь содержит комплекс всех юридических явлений, включающий как позитивные, так и негативные составляющие. Если к *первым* следует отнести само право (отражающее права человека, идеи справедливости, гуманизма, свободы и т.п.), правовую систему в целом, механизм правового регулирования, законные правовые акты (правомерные действия, их результаты, юридические документы), юридические поступки (как разновидность правомерного действия – юридического факта) и события как юридический факт, правовые режимы и составляющие их первичные юридические средства (льготы, поощрения, дозволения, запреты, наказания, обязанности и т.п.), правоотношения и юридическую практику; правосознание и правовую культуру; законность и правопорядок, юридическую науку и образование (и их структуры) и т.д., то ко *вторым* – в основном негативные, противоправные явления (преступления и иные правонарушения, их субъекты и криминальные структуры, коррупцию, злоупотребления, деформации правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме, ошибки в праве и иные препятствующие положительной юридической деятельности факторы)”.

В.М. Баранов отмечает, что «вторая часть этого признака, как видим, в основном негативная, и именно в этом качестве она “присутствует” как противоположность позитивной составляющей»¹⁴. Однако в данном высказывании логическое “непримиримое противоречие” не доказывается, а лишь декларируется.

Можно предположить, что включение нами негативной, противоправной составляющей в понятие “правовая жизнь” представляется с позиции формальной логики уязвимым, поскольку стремится подвести под общее родовое понятие “правового” разные, в том числе и прямо противоположные, явления. Да, это так. Однако нам приходилось уже не раз в литературе отмечать, что правомерные и противоправные начала правовой

жизни общества – *правовые* по своему характеру (в смысле юридические) и выступают составными частями юридической среды, являются сегментами правового поля. Конечно, и те, и другие различаются по природе и направленности, как, например, правомерное и противоправное поведение. Но и то, и другое поведение – *правовое*. В этой связи В.Н. Кудрявцев верно подмечал, что “основное различие в рамках правового поведения – это различие между поведением правомерным и неправомерным, противоправным”¹⁵. Это же подчеркивает и Р.Т. Жеругов, когда пишет, что «понятие “правомерное поведение” является составной частью более широкой категории – “правовое поведение”, содержание которой охватывает любую юридически значимую деятельность, в том числе и противоправную»¹⁶.

На наш взгляд, в вышеприведенном положении противоправное поведение обоснованно названо *правовым (но не правомерным)*, как, собственно, обоснованно называют *правовыми и незаконные акты* (например, конкретный признанный судом незаконный нормативный правовой акт). Ведь здесь речь идет не о правомерности либо неправомерности, но об отнесении данных феноменов к юридическим явлениям, не о праве как таковом, но о юридическом бытии, о специфической форме жизнедеятельности, которые неизбежно включают в себя и теневой сектор.

Разумеется, определенные условности (“погрешности”) присутствуют в подобном понимании. И мы в принципе не против названия более точного и нейтрального – “*юридическая жизнь*”, имея в виду в данном случае их синонимический режим использования (*правовой – юридический*).

Но разве это касается лишь правовой (юридической) жизни? Это же в полной мере можно отнести не только к вышеназванным понятиям “*правовое поведение*” и “*правовой акт*” (которые, как уже говорилось, могут содержать в себе и противозаконные элементы), но и к правовой системе общества. В частности, в последнее время ряд авторов стали включать в понятие правовой системы и негативные элементы, в том числе и правонарушения. Так, В.Н. Карташов отмечает, что “в рамках рассматриваемой нами теории предусмотрен значительный раздел, посвященный социально-правовым отклонениям в правовой системе общества (правонарушениям, юридическим конфликтам,

С. 3–13; Основные составляющие социальной жизни // Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г.В. Осипов и Л.Н. Москвичев. Разд. 2. М., 2002; Левашев В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007.

¹³ Баранов В.М. Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 3.

¹⁶ Жеругов Р.Т. Теория государства и права. М., –Нальчик, 1995. С. 227.

рискам, ошибкам и т.п.)”¹⁷. Правонарушения же, как известно, противоправны, и, следовательно, в таком случае здесь тоже появляется логическое противоречие, и правовую систему в такой ситуации лучше называть “юридической”. А разве понятие “правовая информация” содержит в себе только правомерные составляющие? Так можно перечислять и дальше.

В итоге считаем, что “**правовое**” (в смысле “юридическое”) может и должно включать в себя все, так или иначе относящееся к праву, не только правомерное, но и противоправное, и, соответственно, правовая (юридическая) жизнь общества, как и всякая иная (социальная, экономическая, политическая и т.д.), есть единство противоположностей позитивного и негативного. И между тем и другим нет никакого логического противоречия. Это две половинки одного целого – правовой жизни, которые и анализировать необходимо вместе, комплексно, как взаимосвязанные части.

В.М. Баранов отрицает обоснованность и специфическое содержание понятия “правовая жизнь”. На каком же основании? В частности, он пишет, что “не беднее” понятия правовой жизни другие понятия, такие как “бытие права”, “правовая среда”, “правовая действительность”, “правовая реальность”, “правовая сфера”¹⁸.

Что касается понятия “правовая среда”, то оно должно соотноситься с тем, чьей средой оно является. Об этом имеет смысл говорить. Но такое понятие не является “конкурентом” понятия правовой жизни, ибо оно не обладает ясным научным статусом (что значит “среда”?). Точно так же может быть оценено понятие “правовая сфера”. В лучшем случае оно выступает не научным выражением смысла понятия “правовая действительность” или “правовая реальность”. Последние два понятия вне определенного философского контекста являются просто синонимичными. Они обозначают совокупность наличных юридических феноменов, которые имеют место в каждом конкретном обществе. Юристы, как правило, пользуются термином “бытие” не в философском смысле, а просто как обозначение всего сущего, существующего и относящегося к праву, связанного с правом, т.е. “правовое бытие” – это все сущее, имеющее атрибут правового; “бытие права” – это право в своем бытии, право, как оно существует в действительности, как оно есть (в смысле наличности). В термине “есть” заклю-

чен и другой смысл – связки в суждениях “А есть Б”, когда мы о чем-то говорим, что оно не просто есть, есть что-то, обладает чем-то, принадлежит чему-то¹⁹.

По поводу замечания В.М. Баранова об оправданности понимания “отношения субъектов к праву” как “проявления права”²⁰ хотелось бы отметить, что критикуемый автор сам подчеркивает, что противоправное поведение есть отношение (негативное) к праву. Можно ли это понимать как “проявление права”? Да, конечно! Аргументация В.М. Баранова такова: “предмет и отношение к предмету – это совершенно разные вещи”²¹. В этом положении нет места для спора. Однако существуют две концепции отношений, так что эту фразу можно по-разному толковать: а) отношение к предмету не определено предметом, не зависит от него и б) отношение к предмету обусловлено самим предметом. В последнем случае отношение является не **внешним** для предмета (как в первом случае), а **внутренним**. Иными словами, во-первых, само существование “отношения к” предполагает бытие предмета (в нашем случае – права). При этом само отрицание права (т.е. отношение к нему) предполагается самим существованием права. Так, если закон никогда не нарушается и не может быть нарушен, то его не надо декларировать как правило, которому должно следовать. Во-вторых, определенность бытия права обуславливает совокупность отношений, в которых может находиться, в которые может вступать право, так же как, например, протяженность вещи предполагает определенные (не всякие!) отношения к ней других вещей. Именно эту концепцию отношений имел в виду Гегель, когда рассматривал неправое как выражение отношения права к самому себе²².

Во многом “шум” вокруг научного статуса правовой жизни общества возник потому, что данное понятие стало претендовать на то, на что, на наш взгляд, до недавнего времени необоснованно претендовало понятие “правовая система”, – на то, чтобы стать предельно широкой категорией, охватывающей собой все юридические явления. Так, Н.И. Матузов в этой связи отмечает, что «в последнее время некоторые правоведы предлагают, наряду с устоявшейся и общепринятой

¹⁷ См., например: *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества. (В 2-х т.) Т. 1. Ярославль, 2005. С. 55.

¹⁸ См.: там же. С. 22, 23, 24.

¹⁹ См. подробнее: *Малько А.В., Невважай И.Д.* Правовая жизнь и теневое “право” // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 12.

²⁰ См.: *Баранов В.М.* Указ. соч. С. 23, 24.

²¹ Там же. С. 24.

²² Подробнее см.: *Малько А.В., Невважай И.Д.* Правовая жизнь и теневое “право”. С. 13.

у нас и за рубежом категорией “правовая система” (предельно широкой, собирательной, многоэлементной), ввести в юридический лексикон как бы параллельное, но еще более объемное, по их мнению, понятие – “правовая жизнь”»²³.

Во-первых, вводимое понятие правовой жизни не выступает ни в коем случае параллельным понятием наряду с правовой системой. Как и в иных гуманитарных науках, где уже традиционно исследуются “три кита”, которые можно в принципиальном плане схематично обозначить следующим образом: “экономика” – “экономическая система” – “экономическая жизнь”, “политика” – “политическая система” – “политическая жизнь”, “нравственность” – “нравственная система” – “нравственная жизнь” и т.п., так и в юриспруденции следует двигаться от отдельного явления (“право”) к более сложному – целостной системе (“правовая система”) и от нее к самому сложному – совокупной разнообразной жизнедеятельности (“правовая жизнь”). Это – закономерный ход развития юридической мысли, с чем просто необходимо считаться как с данностью.

К тому же для более полного анализа общественного развития важно досконально исследовать связи правовой жизни с экономической, политической, нравственной, религиозной и иной жизнью. Однако нет другой такой категории, с помощью которой можно было бы это сделать. Что касается рассмотрения связей правовой системы с выше-названными разновидностями жизнедеятельности, а также с экономической, политической, нравственной и иными системами, то это **второй** уровень исследования, который (в силу нетождественности правовой жизни и правовой системы) не может заменить уровень **первый**. Полноценный анализ взаимодействия различных видов жизнедеятельности общества возможен лишь при том условии, что объекты исследования будут одного уровня, примерно одного класса и статуса (“правовая жизнь – экономическая жизнь – политическая жизнь – нравственная жизнь” и, соответственно, “правовая система – экономическая система – политическая система – нравственная система”).

В рецензии на коллективную монографию “Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект” Н.Н. Вопленко и В.А. Рудковский совершенно обоснованно отмечают, что «Н.И. Матузову, на наш взгляд, не удалось убедительно доказать, что научное

понятие правовой жизни является ненужным, поскольку в науке уже имеется столь же широкая категория “правовая система”. С таким утверждением можно было бы согласиться, если бы речь шла об однопорядковых явлениях. Но ведь автор пытается доказать нечто обратное. Он отмечает, в частности, что правовая система и правовая жизнь соотносятся как отражатель и отражаемое, и подчеркивает, что рассматривать данные понятия как более узкое или широкое некорректно. Речь может идти лишь об адекватности или неадекватности отражения, опосредования. Иными словами, правовая жизнь и правовая система – это все же разные явления. Правовая система – всего лишь отражение правовой жизни. Из этого следует, что подлинной реальностью и первичностью обладает именно правовая жизнь, в то время как правовая система имеет вторичное, производное значение и представляет ценность, лишь будучи адекватным отражением правовой жизни. Но может ли в таком случае понятие правовой системы служить надежным и достаточным источником наших знаний о правовой жизни? А если отражатель искажает действительность?»²⁴.

Во-вторых, понятие правовой жизни, включая в себя понятие правовой системы, олицетворяет собой не только статические, но прежде всего динамические процессы, осуществляемые в юридической сфере, содержит не только системные, но и несистемные сегменты. Верно подмечено, что “правовая жизнь является процессом, действительностью в ее динамике, всегда завершающейся, рано или поздно, кристаллизацией правоотношений или их разрушением, ... в противоположность понятию правовой жизни понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов”²⁵.

В-третьих, по объему действительно понятие “правовая жизнь” значительно богаче и шире понятия “правовая система”. При всем их внешнем первоначальном сходстве у данных категорий несовпадающие структуры. Никакая система не может включать в себя все то, что есть в жизни. В этом смысле они – не конкуренты. Жизнь богаче любых систем, что, бесспорно, относится и к юридической сфере.

²⁴ Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Рецензия на монографию “Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект” / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 250.

²⁵ Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Правовая жизнь, ее содержание и формы // Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 76.

²³ Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования. С. 11.

Говоря о сложном составе категории правовой жизни общества, К.В. Шундилов подчеркивает, что «постановка вопроса о соотношении понятий “правовая система” и “правовая жизнь” по объему представляется малоперспективной»²⁶. Сам же на последующих страницах пытается раскрыть структуру понятия “правовая жизнь” и в определенной степени продемонстрировать его объем (гл. 5 монографии). К тому же если правовая система, по мнению К.В. Шундилова, выступает просто системой, то правовая жизнь общества – это уже макросистема²⁷. Отсюда автор попадает в противоречивую ситуацию, с одной стороны, не призывая сравнивать их по структуре и объему, а с другой – по-разному квалифицируя их статус: соответственно, система и макросистема, подтверждая тем самым, что понятие “правовая жизнь” – более широкое, чем понятие “правовая система”.

В рамках категории “правовая жизнь” (как более масштабной) можно основательнее изучать и категорию “правовая система”, которая зависит от первой, изменяется под ее влиянием. Правовая жизнь содержит источники (истоки) развития не только права, но и всех иных правовых явлений (включая правовую систему).

Правовая же система, в свою очередь, в большей степени нацелена на упорядочение юридической жизни общества, выступает по отношению к последней как организующий фактор. Правовая система, обоснованно отмечают в литературе, – “это совокупность взаимосвязанных правовых средств, необходимых и достаточных для правового регулирования поведения”²⁸, “определенная правовая организация данного общества”²⁹; “будучи стороной правовой жизни, она предстает как внутренне организованная, динамичная целостность, состоящая из процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию правовых явлений и взаимосвязей между ними”³⁰.

К тому же далеко не все исследователи оценивают понятие правовой системы как предельно широкое. В этой связи Л.С. Явич правильно отмечал, что “было бы неверно включать в это понятие все без исключения юридические категории, всю

правовую действительность”³¹. На это претендует категория “правовая жизнь”, охватывающая собой всю сферу, сопряженную с правом, как соответствующие ему сегменты (правомерные), так и не соответствующие (противоправные), как входящие в правовую систему, так и не входящие в нее (например, преступность), как упорядоченные, так и неупорядоченные и т.п. Ю.Ю. Ветютневым справедливо подчеркивается, что “сама необходимость введения в научный оборот этого понятия была связана с тем, что правовая жизнь (в отличие от правовой системы) включает в себя не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от юридически установленных образцов”³².

В литературе, на наш взгляд, раздаются не совсем корректные призывы. Так, В.В. Сорокин указывает, что «зачастую вместо того, чтобы уделить серьезное внимание понятию “правовая система”, авторы стремятся предложить взамен совершенно новые термины – “правовая жизнь”, “правовое поле” и др.»³³.

Во-первых, почему вместо исследования одних явлений приглашают к исследованию других; во-вторых, почему нужно “уделять серьезное внимание” только понятию правовой системы, из данного призыва так и не понятно; в-третьих, понятие правовой жизни предлагается вовсе не взамен понятия правовой системы, а наряду и вместе с ней, ибо это разные категории, отражающие, соответственно, и разные уровни юридического бытия.

Сам В.В. Сорокин в той же книге, но на другой странице пишет об этом, противореча собственному предыдущему высказыванию: «По отношению к правовой жизни правовая система выполняет организующую роль. С точки зрения внутренней организации правовой жизни заметим, что ее нельзя причислять к разряду систем, ибо она включает и не упорядоченные явления и процессы, а также компоненты, лишенные взаимных системных связей. Понятие правовой жизни позволяет охватить конгломерат правовых проявлений в несистемном виде. Термин “правовая жизнь” имеет право на существование как наиболее широкая общетеоретическая категория, обнимающая собой всю сферу бытия права»³⁴.

²⁶ Шундилов К.В. Указ. соч. С. 117.

²⁷ См.: там же. С. 127.

²⁸ Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 483.

²⁹ Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2006. С. 597.

³⁰ Кухарук Т.В. Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования понятия правовой системы общества // Правоведение. 1998. № 2. С. 50.

³¹ Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985. С. 41.

³² Ветютнев Ю.Ю. “Свет” и “тень” правовой жизни // Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: Сб. статей. Тамбов, 2008. С. 51.

³³ Сорокин В.В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. С. 27.

³⁴ Там же. С. 63, 64.

Во вступительной статье к книге Ж. Карбонье «Юридическая социология» В.А. Туманов точно подметил нюансы отличия правовой системы от правовой жизни общества. В частности, он писал: «Ж. Карбонье посвящает правовой системе целый подраздел главы второй. Хотя автор исходит из верной посылки о том, что для социологии права правовая система – это нечто иное, чем аналогичное понятие в теории позитивного права или в сравнительном правоведении, тем не менее, его социологическая система права предстает как весьма расплывчатое образование. Перед нами *не столько правовая система, сколько конгломерат явлений правовой жизни общества* (выделено мною. – А.М.), их перечисление без уяснения системообразующих факторов и необходимых внутренних связей, которые и делают систему целостным единством»³⁵.

Практически об этом же пишут и Н.Н. Вопленко, и В.А. Рудковский, когда подчеркивают, что «понятие правовой системы охватывает круг явлений правовой жизни общества, которые находятся между собой в состоянии определенной системной связанности как элементы единой национальной системы, существующей на основе принципов целостности и упорядоченности. Здесь нет места для случайных и непредсказуемых явлений. По общему правилу правовая система – гармоничный продукт внутренних закономерностей общественного развития, что и определяет ее понятийную ценность. Однако сводить всю реальную практику правового бытия к системно-структурной упорядоченности вряд ли оправданно. Поэтому понятие “правовая жизнь общества” перекрывает своим объемом и качественной характеристикой мир правовых явлений, как системно взаимосвязанных, так и находящихся в состоянии хаоса, неупорядоченности, случайности и т.д. Системность и суммативность в равной мере присущи данному понятию. И это, думается, оправдывает существующую дискуссию о его содержании и категориальном статусе»³⁶.

Что же касается структуры категории правовой системы, то нацеленность ее разработчиков на то, чтобы данная система включала в себя “всю совокупность юридических явлений общества”³⁷, была преждевременной, отражала определенный первоначальный этап в исследовании рассматриваемого явления. Но потом, как это обычно и

бывает, приходит более четкое понимание, и все встает на свои места.

Следует отметить тот факт, что до конца 90-х годов XX столетия под правовой системой понимали в основном упорядоченную совокупность лишь позитивных юридических явлений. О негативных (но не противоправных) элементах стали писать относительно недавно и то во многом “под давлением” вводимой категории “правовая жизнь”, которая как раз и содержит негативные (в том числе и противоправные) начала как свою неизбежную составную часть.

Более того, специалисты, исследующие правовую систему, негативным ее моментам практически не уделяют должного внимания, считая, что достаточно говорить лишь о некоторых, “которые неотъемлемо характеризуют элемент правовой системы как необходимую, функциональную единицу системы и составляют ее непосредственное содержание. К негативным явлениям... можно отнести пробельность права, правовой нигилизм, множественность и противоречивость источников права и т.д.”. Другие же “негативные правовые явления (правонарушения и т.п.) на роль необходимых, функциональных единиц правовой системы явно не подходят”³⁸.

Итак, понятие правовой системы не в состоянии включать все юридические явления. Оно явно не справляется с этой задачей и не способно без ущерба “для себя” содержать вышеназванный объем элементов. Отсюда “зависает в воздухе” и следующий тезис. «Довод, – отмечает Н.И. Матузов, – согласно которому правовая система якобы оставляет за своими рамками негативные процессы и поэтому нужна более широкая категория, которая отражала бы не только положительное, но и отрицательное начало, также несостоятелен, поскольку и правовая система воспринимается наукой, общественным мнением, гражданами, другими субъектами не иначе как со всеми ее недостатками и изъянами, плюсами и минусами, “положительными и отрицательными началами”, а вовсе не в рафинированном виде»³⁹.

Поэтому и нужна более широкая категория, вбирающая в себя не только отдельные “избранные” недостатки и изъяны, но всю юридическую тотальность, поделенную на два противоположных сегмента: позитивную, правомерную (“световую”) и негативную, противоправную, в том числе и преступную (“теньевую”), выступающих

³⁵ Туманов В.А. Вступительная статья к кн.: Карбонье Ж. «Юридическая социология». Благовещенск, 1998. С. 14.

³⁶ Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Указ. соч. С. 250, 251.

³⁷ Матузов Н.И. Правовая система развитого социализма // Сов. гос. и право. 1983. № 1. С. 18.

³⁸ Сорокин В.В. Указ. соч. С. 30, 31.

³⁹ Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования. С. 22, 23.

в качестве своеобразных антиподов. Иначе полноценный анализ юридической жизни общества провести не удастся. Требуется “выход” именно на предельно крупные и одновременно отрицающие друг друга подразделения нашей юридической действительности, чтобы показать их масштабное взаимодействие, “взаимопереходы” и “переливы” друг в друга (например, легализацию и делегализацию, криминализацию и декриминализацию и т.д.).

Как известно, согласно диалектике, чтобы «анализ позволил выявить природу самого объекта, надо доводить его расчленение до обнаружения не только различных, но и противоположных компонентов... Дело в том, что противоположность есть крайняя степень различия, поэтому только различие, доведенное до противоположности, является законченным (завершенным). При этом особый интерес представляет выявление таких противоположностей, которые противоречат друг другу и потому исключают всякое (существующее наряду с ними) третье. Таким образом, только “расщепление” объекта на противоположности обеспечивает наибольшую полноту и глубину анализа»⁴⁰.

Другими словами, позитивная и негативная части правовой жизни общества – это два явления, которые не могут быть поняты одно без другого, ибо каждое из них предполагает противоположное. Основательно проанализировать позитивную (правомерную) жизнь возможно лишь на фоне негативной (противоправной) жизни и в рамках общего понятия “правовая жизнь”. Правильно отмечается в литературе, что “исследование нормального состояния любой системы не может быть ограничено ее рамками, выведено только из нее самой, вне связи с системами более высокого порядка. Сущность аномалий организма не может быть выявлена без рассмотрения той функции, которую они играют в развитии вида в целом, то есть без обращения к более широкой системе связей, в которую эти образования включены как элементы и относятся как часть к целому”⁴¹.

К тому же позитивные (“свет”) и негативные (“тень”) составляющие правовой жизни можно рассматривать как парные юридические категории, ибо они:

1) выражают некое юридическое целое, выступая двумя противоположностями, соответственно, со знаками “плюс” и “минус”;

2) диалектически связаны между собой (изменения в одной составляющей правовой жизни ведут к изменениям в другой), что проявляется в специфических “взаимопереливах”, “взаимопереходах” позитивных сегментов в негативные, и наоборот;

3) выступают двумя обобщающими компонентами, вбирающими в себя разнополярные, но относящиеся к праву явления;

4) олицетворяют собой, соответственно, позитивную (правомерную, “световую”) и негативную (противоправную, “тень”) реальности;

5) обозначают в своей совокупности все юридические явления и процессы, всю юридическую тотальность.

Разумеется, правовая жизнь общества – междисциплинарное понятие, заимствованное из других наук. Однако это относится ко многим иным понятиям, ныне “прописавшимся” в юриспруденции.

В.В. Сорокин высказывает определенное беспокойство сложившейся ситуацией в современной юридической науке. В частности, он пишет, что «к настоящему моменту аналитические разработки в праве перешагнули через имеющиеся теории, и накопленный теоретический материал в них уже не укладывается. Однако вводимые в теорию права понятия не должны приводить к игнорированию или недооценке ее собственного категориального аппарата, “растворять” его в юридических понятиях, заимствованных из иных отраслей знаний»⁴².

Применительно к категории “правовая жизнь общества” такое беспокойство можно было бы разделить, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, то, что “к настоящему моменту аналитические разработки в праве перешагнули через имеющиеся теории, а накопленный теоретический материал в них уже не укладывается”, отражает обычный ход развития любой науки, ее постоянные качественные изменения. Это – позитивное свидетельство ее дальнейшего движения вперед, к освоению новых, более сложных объектов. Именно поэтому и возникает потребность в категориях более широкого плана, способных охватить данные новые аналитические разработки, “перешагнувшие через имеющиеся теории и накопленный теоретический материал”. И такой категорией по отношению к категории правовой системы выступает правовая жизнь. Она вполне может преодолеть те трудности, которые воз-

⁴⁰ Материалистическая диалектика / Отв. ред. Ф.Ф. Ваккерев. В 5-ти т. Т. 1. М., 1981. С. 24.

⁴¹ Там же. С. 287.

⁴² Сорокин В.В. Указ. соч. С. 27.

ники у категории правовой системы, связанные с охватом всей тотальности юридических явлений.

Во-вторых, правовая жизнь как вводимое в теорию права понятие вовсе не приводит “к игнорированию или недооценке” имеющегося категориального аппарата, например, правовой системы. Наоборот, с помощью категории правовой жизни можно попытаться очертить более точные границы понятия правовой системы (которые необоснованно стали расширяться), более четко определить функции последней применительно к той же правовой жизни (правовая система призвана поддерживать в ней определенный порядок, организовывать ее).

В-третьих, само понятие правовой системы не выступает ярким представителем “собственного категориального аппарата” теории права. Оно тоже, как известно, заимствовано из общей теории систем и других гуманитарных наук (прежде всего социологии, политологии, философии). Только заимствована чуть раньше, ибо раньше в ней и возникла потребность. Однако временной параметр здесь не может выступать главным. Поэтому “растворять” понятие правовой системы не приходится; она изначально “растворена” в “иных отраслях знаний”⁴³.

Следовательно, основательное исследование правовой жизни общества – следующий важнейший этап в развитии юридической науки (прежде всего теории права), в рамках которого требуется анализировать не только право и правовую систему, но и все юридические явления, вместе взятые, не только позитивные (правомерные), но и негативные (противоправные) их составляющие, не только с формально-юридических, но и с общекультурных позиций (с точки зрения экономической, политической, нравственной и иной жизнедеятельности). Это требует и привлечения соответствующего методологического ресурса, позволившего “выйти” на решение подобной весьма непростой научной задачи.

Верно отмечается в литературе, что «в понятии “правовая жизнь общества” отражается неразрывная связь правовых явлений со всеми другими сферами общества»⁴⁴, что введение категории “правовая жизнь” “отражает тенденцию развития отечественной правовой мысли в направлении все большего расширения границ правовой действительности”, что “правовая мысль достигла в сво-

ем развитии такой точки (стадии, ступени и т.д.), когда требуется включение в поле зрения исследователя общекультурных факторов”⁴⁵, что «сегодня мы находимся на таком этапе, когда можно и нужно отнестись к имеющимся фактам отечественной правовой жизни с несколько иных, непривычных позиций: не с чисто формально-юридических, социологических, психологических, кибернетических или абстрактно-общечеловеческих, а через призму национально-исторической и культурно-типологической природы отечественного правового мира в интересах познания его конкретной целостности и системности. Далеко не случайно, что именно в пореформенный период в отечественной юридической науке стала разрабатываться категория “правовая жизнь” как попытка взглянуть на российские правовые явления с новых социально-культурных и догматических позиций. Категория “правовая система” в большей мере обозначает иной – синергетический и сравнительно-правовой аспекты исследования национальных правовых явлений»⁴⁶.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать определенные выводы.

Категория “правовая жизнь” приобретает все большую научную и практическую значимость, потенциал которой заключается в следующем:

- 1) выступая разновидностью (формой) социальной жизни, призвана олицетворять ее проявление в юридической сфере;
- 2) создает условия для полноценного соотношения с экономической, политической, нравственной и иной жизнью, выступая наряду с ними однопорядковой, одноуровневой категорией;
- 3) содействует исследованию юридической сферы в большей степени с точки зрения общекультурных, общесоциальных факторов;
- 4) охватывает все правовые явления, причем как позитивные, так и негативные, выражая своего рода юридическую тотальность;
- 5) позволяет в свою очередь анализировать позитивную (правомерную) и негативную (противоправную, теневую) составляющие тоже как соответствующие позитивные (правомерные) и негативные (противоправные) всеобщности (тотальности), которые должны исследоваться комплексно, системно, как взаимосвязанные сегменты, как две противоположности одного целого – правовой жизни;

⁴³ Там же. С. 27.

⁴⁴ Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982. С. 30.

⁴⁵ Право и культура / Отв. ред. Н.С. Соколова. М., 2002. С. 66.

⁴⁶ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Изд. 2-е. 2010. С. 18.

6) способствует их рассмотрению во взаимодействии, взаимопереходах позитивной части правовой жизни в негативную (например, процессы криминализации, делегализации) и, наоборот, негативной части в позитивную (декриминализации, амнистии);

7) отражает диалектику юридического бытия, базирующуюся на противоречиях (противоборстве, борьбе) позитивной (правомерной) и негативной (противоправной) составляющих ее начал;

8) содержит в себе как организующие (регулирующие), так и самоорганизующие (саморегулирующие) начала, позволяющие правовой жизни нормально развиваться;

9) выступает в качестве своеобразной внешней (“питательной”) среды для правовой системы общества (подобно тому, как экономическая, политическая и нравственная жизнь выступает такой же средой, соответственно, для экономической, политической и нравственной систем);

10) ориентирует на познание не только статической, но и преимущественно функциональной, динамичной составляющей юридического бытия общества;

11) показывает не только юридическую действительность (реальность), но и исторические аспекты юридического бытия общества, как настоящее, так и прошлое, своего рода генезис, историю его становления и развития.

Категория “правовая жизнь общества”, будучи предельно широкой, позволяет к тому же, во-пер-

вых, в определенной степени установить (а в ряде случаев уточнить) границы иных категорий, так или иначе в нее входящих; во-вторых, “ранжировать” (приводить в порядок) данные входящие в нее категории; в-третьих, увидеть то, как они связаны между собой и с самой категорией “правовая жизнь общества”.

В условиях глобализации, как ни парадоксально, в тщательном изучении нуждаются культурно-исторические аспекты отечественной правовой жизни, что требует нового методологического инструментария. Задача современной отечественной методологии – найти такое измерение права, которое не разрывало бы целостности этого юридического феномена с духовным строем России, ее уникальным культурным миром. В этой связи В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова подчеркивают, что «категория “правовая жизнь”, введенная А.В. Малько, вполне может выполнить роль методологического понятия права при условии проведения специфической правовой конструктивизации уже известных правовых объектов. Эта теоретическая задача весьма сложная»⁴⁷.

В условиях дальнейшего усложнения социальных связей правовое развитие общества все настойчивее требует интегрального, прежде всего общетеоретического, анализа правовой жизни как различных стран, так и отдельных регионов.

⁴⁷ Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 38.